

ИЛЛОКУТИВНЫЙ ДЕЙКСИС КАК СРЕДСТВО ОБЪЕКТИВАЦИИ В ДИСКУРСЕ АКЦИОНАЛЬНОГО АСПЕКТА РЕЧЕВОГО АКТА (на материале немецкого языка)

У статті освітлюються когнітивні основи ілокутивного дейксису, що виступає вербальним засобом об'єктивації в дискурсі ілокутивної складової мовленнєвого акту. Особлива увага приділяється аналізу засобів вираження ілокутивного дейксису в німецькій мові. На конкретних прикладах доводиться, що набір та характер одиниць мови для вираження заданої мовником в мовленнєвому акті ілокуції залежать не лише від параметрів мовленнєвої ситуації та індивідуальних особливостей мовця, а й від етнокультурної специфіки.

Ключові слова: прагматична лінгвістика, мовленнєвий акт, ілокутивний акт, мовний дейксис.

The article touches upon cognitive basis of the illocutive deixis, acting as verbal means for objectivization of the illocutive component of a speech act. The special attention is paid to the analysis of means of verbal expression of the illocutive deixis in the German language. Provided in the article examples prove that the set and character of language units for expressing on illocution in the speech act depend not only on parameters of a speech situation and specific features of the language a person speaks, but also on ethnocultural features of the language.

Keywords: pragmatic linguistics, the speech act, the illocutive act, language deixis.

В современной лингвистической прагматике речевой акт рассматривается как коммуникативный акт — функционально цельный фрагмент коммуникации, ядром которого является текст как единица дискурса (монолог, диалог или полилог). Текст, признаваемый в этой связи вербальным коррелятом речевого акта в широком смысле слова, предстает как “вербальный и знаково зафиксированный продукт речемыслительной деятельности, являющийся “реакцией на ситуацию и опосредованным её отражением, обладающий содержа-

тельной завершенностью и информационной самодостаточностью, а также тематическим, структурным и коммуникативным единством, как нечто объективно существующее, материальное, поддающееся фиксации с помощью экстралингвистических средств и самим фактом своего существования изменяющее окружающий мир, как некая особая предикативная единица” [1].

Речевая ситуация, провоцирующая речевую деятельность коммуникантов, признается тем самым не просто внешней оболочкой, сферой, в границах которой совершается акт коммуникации, а совокупностью условий, определяющей содержание и форму речевого произведения (А. А. Леонтьев, С. Л. Рубинштейн, Э. П. Шубин, Н. И. Формановская и мн. др.), и рассматривается языковедами в двух плоскостях: 1) как ситуативный контекст, фрагмент реальной действительности, в которой совершается коммуникативный акт, и 2) как ситуация общения — набор характеристик ситуативного контекста, релевантных для речевого поведения участников речевого события, влияющих на выбор ими речевых стратегий, приёмов, средств [2].

Поскольку все компоненты ситуативного контекста могут выступать партиципантами речевого акта и являться характеристиками референтной ситуации общения, до настоящего времени не прекращается дискуссия среди языковедов о количестве и составе компонентов речевой ситуации (В. Г. Гак, Т. К. Донская, Е. И. Пассов, И. П. Сусов, О. Д. Митрофанова, Н. И. Формановская и мн. др.).

В частности, Е. И. Пассов выделяет в качестве составляющих речевой ситуации обязательные (какое-либо событие и взаимоотношения субъектов и объектов) и факультативные (личностные качества субъектов и их внутреннее состояние) компоненты (Пассов, 1975). Н. И. Формановская считает, что в качестве компонентов речевой ситуации следует рассматривать следующие составляющие: а) мотив и цели коммуникации; б) отправитель и получатель (адресант и адресат), несущие в себе личный опыт, оценки, отношения, обобщенные черты своего народа; являющиеся носителями определенных социальных статусов и ролей (коммуникативных, социальных, психологических), совокупность которых создает варианты коммуникативного поведения, воплощающегося в бесконечном многообразии диалоговых высказываний; в) невербальные компоненты коммуникативной деятельности (мимика, жесты, интонация, выражения глаз, поза, тембр, громкость и т. д.) [3].

Стивен К. Левинсон рассматривает компоненты речевой ситуации в соотношении с четырьмя сферами (мирами) реальной действительности:

1. Физический мир (участники речевой ситуации (говорящий и слушающий); все предметы физического мира, являющиеся составной частью речевой ситуации; пространство речевой ситуации; время речевой ситуации; неречевая активность участников коммуникации; канал и средство коммуникации (устная или письменная коммуникация).

2. Социальная среда (социальные роли и статус участников коммуникации; формальные признаки речевой ситуации (регистр, стиль).

3. Концептуальный мир (концептуальное пространство участников коммуникации (сознание и установки участников коммуникации); тематика речевого общения, фоновые (в т.ч. энциклопедические) знания участников коммуникации.

4. Языковая среда (языковые компетенции участников коммуникации, языковой контекст) [4].

Каждая речевая ситуация представляет собой пересечение всех четырех миров. Включенная в акт коммуникации, она проходит через призму сознания говорящего и получает отражение под давлением “совокупности условий в акте деятельности, заключающих в себе противоречие, ставящее перед участниками диалога проблему — задачу действия” [5]. В сознании говорящего оформляется субъективный образ объективно существующей ситуации, в котором отражаются только те её компоненты, которые:

1) являются константными для осуществления любого речевого акта и

2) являются значимыми для говорящего (Левинсон, 1983).

Константными компонентами, или признаками речевой ситуации, многими лингвистами признаются: 1) участники (адресант, адресат, аудитория); 2) предмет речи; 3) обстоятельства (место, время, используется устная или письменная речь, условные знаки и пр.); 4) код (язык, диалект, стиль); 5) речевой жанр (например, проповедь); 6) событие (например, церковная служба, одной из ситуаций которой является ситуация проповеди); 7) оценка эффективности речи (например, тронула ли проповедь сердца); 8) цель — то, что по мнению участников, могло бы быть результатом речи в данной ситуации (Виноградов, 1975; Гак, 1998; Ерзинкян, 1988; Золотова, 2002; Лайонз, 1978; Падучева, 1985; Падучева, Крылов, 1984; Сребрянская,

2003; Стернин, 1973; Федяшина, 1986 и мн. др.). Данные признаки формируют необходимые условия для совершения речевого акта. Однако, чтобы он действительно осуществился, необходимо главное условие — активная деятельность говорящего, направленная на изменение самой ситуации посредством речевого действия. Говорящий по-своему использует предлагаемые речевой ситуацией возможности, фокусируя внимание на самых разнообразных её компонентах и формируя пространственно-временную прагматику своего речевого акта. Последняя является основой для его последующего вербального оформления речевого произведения с помощью тех лексических, грамматических, синтаксических, прагматических и фонетических средств языка, которые говорящий считает наиболее подходящими для реализации своего речевого действия. Очевидно, что те компоненты ситуации речи, которые получают отражение в сознании говорящего при производстве речевого акта, являются когнитивным основанием языкового дейксиса.

По мнению С. Андерсон и Э. Кинан, дейксис представляет собой один из способов референции — в частности, осуществляемую говорящим посредством языка операцию референции, в которой он использует свой речевой акт в качестве точки отсчета (для всех дейктических категорий речевого акта) и идентификации референта(ов) [6]. Сфера дейксиса включает в себя “указание на участников речевого акта (ролевой дейксис) — говорящего и адресата...; указание на предмет речи...; указание на временную и пространственную локализацию сообщаемого факта (хронотопический дейксис)” [7].

Достаточное внимание уделяется лингвистами исследованию на материале различных языков ролевого дейксиса (включающего личный дейксис), денотативного дейксиса и хронотопического дейксиса (включающего временной и пространственный дейксис), однако в лингвистической литературе практически не описан иллюкутивный дейксис, указывающий на такой компонент речевой ситуации, как деятельность говорящего. Данный компонент, например, С. Андерсон и Э. Кинан считают обязательным компонентом речевой ситуации, представленным в речевом акте прежде всего способом его вербального воплощения, предлагая описывать его при помощи модального оператора “Как? Каким образом? — Так, таким образом” (Anderson, Keenan, 1985).

Анализ основных положений современной теории речевых актов и, в частности, характеристик деятельностного аспекта речевого акта

позволяет говорить о том, что данный вид языкового дейксиса следует понимать шире — не только как модальный дейксис, указывающий на отношение говорящего к производимому им речевому акту, но, прежде всего, как иллокутивный дейксис, указывающий на речевой (иллокутивный) акт говорящего (как его реакцию на речевую ситуацию). Исходя из тесной взаимосвязи иллокутивного и локутивного (пропозиционального) аспектов речевого акта, выраженной перформативной формулой речевого акта Дж. Серля F(p), где F — иллокутивная функция, а (p) — пропозициональное содержание речевого акта, следует отметить, что многие лексические, грамматические и прагматические единицы, используемые говорящим в речевом акте, выполняют в этой связи собственно дейктическую функцию по отношению к иллокутивному акту говорящего. При этом набор и характер таких единиц для выражения заданной говорящим в речевом акте иллокуции может различаться в разных, в частности, в русском и немецком языках. Данный факт проиллюстрируем на следующем примере, где приведен сравнительный анализ лексических и грамматических средств, которые выполняют дейктическую функцию по отношению к типу иллокуции говорящего в русскоязычном тексте и его переводном немецком эквиваленте (пример перевода текста взят из [8]). Средства выражения иллокутивного дейксиса подчеркнуты в тексте сплошной линией и сопровождаются пометой Illokution. Другие языковые средства, указывающие на важные для осуществления иллокутивного акта компоненты речевой ситуации — субъект речевого акта, время и место речевого акта, — также подчеркнуты сплошной линией и сопровождаются пометой Deixis:

Таблица 1

(1) — Ну <u>какая же</u> <u>теперь</u> русская поэзия.	Partikel > Illokution Fragepr > Illokution Partikel > Illokution Temporaladverb > Deixis	Fragepr > Illokution Partikel > Illokution Temporaladverb > Deixis	“ <u>Was für</u> eine russische Dichtung gibt es <u>denn</u> heutzutage?
(2) Ну <u>скажи</u> <u>мне</u> <u>на милость</u> .	Partikel > Illokution Imperativ > Illokution + Personaldeixis	Imperativ > Illokution + Personaldeixis	(2) <u>Sag mir</u> <u>bitteschön</u> ,
(3) <u>какая же</u> <u>у нас</u>	Partikel > Illokution Fragepronomen > Illokution	Partikel > Illokution Fragepr > Illokution Partikel > Illokution Personaldeixis Adverb, Präsens >	(3) <u>was</u> es <u>denn</u> bei <u>uns</u> <u>für</u> eine russische Dichtung

Анализ языкового материала показывает, что иллокутивный дейксис выражается в языке как с помощью языковых средств, имеющих системно закреплённое иллокутивное значение (перформативные глаголы, существительные, модальные глаголы, типы предложений по цели высказывания, морфологические формы глагольного императива, прагматические клише, функциональные типы текстов и пр.), так и с помощью таких вербальных средств, функциональная семантика которых изначально не предназначена для выражения заданного вида и типа иллокуции. В частности, в следующем примере (он выделен в контексте жирным шрифтом и подчеркнут сплошной линией) порядок слов, предназначенный системой языка для выражения вопроса, является в совокупности с просодическим компонентом иллокутивным дейксисом утверждения:

Schmuddeliges Märzwetter. Die Menschen sind dick verpackt. Nieselregen. Zufahrt auf den Modeladen und die Verkäuferin, die im leeren, einsamen Geschäft telefoniert.

Jetzt erkennt der Zuschauer: es ist Franziska. Sie trägt im Laden Mantel, Schal und Handschuhe.

KLAUS (off): *“Alles hier erinnert mich an dich. Ich kann dich nicht vergessen”.*

FRANZISKA (kühl): *“Ich hab dich schon vergessen”.*

KLAUS (off): *“**Hast du nicht.** Wo bist du gerade?” Franziska schweigt. Es rauscht in der Leitung... [9].*

Поскольку иллокутивный акт говорящего как часть речевой ситуации тесно связан с другими её компонентами, часто наблюдается синкретизм дейктических функций иллокутивных маркеров в дискурсе. В этой связи можно говорить об иллокутивно-адресантных, иллокутивно-адресатных, иллокутивно-темпоральных и иллокутивно-ситуативных индикаторах речевого акта. Последние характеризуются взаимной детерминацией значения иллокуции и речевой ситуации, т. е. определённая роль таких иллокутивных индикаторов в речи прочно ассоциируется с некой ситуацией, а эта ситуация, как правило, обуславливает появление в речи именно этих маркеров иллокутивного акта.

Указанные группы иллокутивных маркеров в современном немецком языке характеризуются высокой семантической подвижностью и дейктической полифункциональностью. Это является доказательством их непосредственной связи с когнитивными процессами, лежащими в основе формирования и осуществления говорящим иллокутивного акта, и компонентами речевой ситуации.

ССЫЛКИ И ПРИМЕЧАНИЯ

1. Красных В. В. Структура коммуникации в свете лингвокогнитивного подхода: Коммуникативный акт, дискурс. Текст / Виктория Владимировна Красных: диссертация ... доктора филологических наук: 10.02.19. — М., 1999. — С. 414–415.
2. Педагогическое речеведение. Словарь-справочник / Под ред. Т. А. Ладыженской и А. К. Михальской; сост. А. А. Князьков. — М.: Флинта, Наука. 1998. — С. 267.
3. Формановская Н. И. Речевое общение: коммуникативно-прагматический подход / Н. И. Формановская. — М.: Русский язык, 2002. — 216 с.
4. Levinson, Stephen C. Pragmatics / S. C. Levinson. — Cambridge: Cambridge University Press, 1983. — 22 f.
5. Изаренков Д. И. Обучение диалогической речи / Д. И. Изаренков. — М.: Русский язык, 1986. — С. 15–16.
6. Anderson, Stephen R. & Keenan, Edward L. Deixis / S. Anderson, E. Keenan. — Vol. III: Grammatical categories and the lexicon. — Cambridge: Cambridge University Press, 1985. — 259–308 ff.
7. Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт / Н. Д. Арутюнова. — М.: Наука, 1988. — С. 128.
8. Lehmann V. Linguistik des Russischen/ V. Lehmann// http://web.mac.com/vl_hh/Website/Linguistik_des_Russischen.html
9. Dörrie D. Bin ich schön?: Drehbuch für einen Spielfilm / D. Dörrie, R. Besedow, R. Stadler// www.Zweitausendeins.de